

©2025 И.Г. КУРГАНОВА

МНОГОМЕРНОСТЬ ТЕЛА: ПРОБЛЕМА ВОСТОЧНО-ХРИСТИАНСКОГО КАРДИОЦЕНТРИЗМА В КОНТЕКСТЕ ТРАНСПЛАНТОЛОГИИ

Курганова Ирина Геннадьевна — кандидат философских наук, младший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
ORCID: 0000-0001-7207-2095
oceaniania@list.com

Аннотация. Статья представляет собой междисциплинарное исследование проблемы христианского кардиоцентризма в рамках трансплантологического дискурса. В качестве основного научного метода исследования автор использует феноменологический подход с целью передать уникальные смыслы и значения восточно-христианской антропологии в рассматриваемом контексте. Статья представляет собой попытку религиозно-философской деконструкции актуальной междисциплинарной проблемы — трансплантации сердца — в рамках пересечения смысловых полей православной метафизики и биоэтики. Традиционными для христианской антропологии критериями жизни были дыхание и сердцебиение, именно

Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ, проект N 23-18-00400 «Смерть, умирание и донорство: междисциплинарное исследование влияния социальных факторов на уход из жизни и развитие трансплантационной помощи».

Ссылка для цитирования: Курганова И.Г. Многомерность тела: проблема восточно-христианского кардиоцентризма в контексте трансплантологии // Человек. 2025. Т. 36, № 2. С. 155–175. DOI: 10.31857/S0236200725020099

156

критерию смерти — неврологическому, при этом избегав когнитивного и метафизического диссонанса? Вопрос дискуссионный. В конфессиях, отдающих предпочтение рационалистическому осмыслению действительности: католицизм, протестантство, — он решается положительно, буддисты ввиду наложения «зоны неопределенности» (Б.Г. Юдин) на посмертное состояние бордо, в которое не может быть допущено искусственное вмешательство извне, не могут дать положительный ответ, так же как и даосы — по причине исключительного значения сердца в их мистических практиках и «энергийном прагматизме» (П. Хрущева), в рамках индуизма для решения этого вопроса меньше всего доктринальных препятствий, для православного христианства вопрос о критерии смерти мозга как единственном критерии смерти человека остается неоднозначным ввиду особой метафизической роли сердца в богословской доктрине и мистической практике, не позволяющей соотносить его исключительно с биологическими функциями. Именно особое мистическое значение сердца для духовной жизни человека составляет основу концепта кардиоцентризма в восточно-христианской антропологии. Рассмотрению концепта сердца посвящено много публикаций, исследований отечественных богословов, философов, мыслителей, историков культуры: архимандрита Гавриила (В.Н. Воскресенского), И.В. Киреевского, Н.В. Гоголя, П.Д. Юркевича, Н.Ф. Федорова, В.С. Соловьева, Л.Н. Толстого, В.В. Розанова, П.А. Флоренского, В.Ф. Войно-Ясенецкого, С.Л. Франка, Б.П. Вышеславцева, И.А. Ильина, Н.А. Бердяева, В.Н. Лосского, В.А. Сухомлинского, Г.Я. Стрельцовой и др.

В контексте трансплантологии концепт кардиоцентризма представляет собой очень серьезную и требующую специального рассмотрения проблему. На основании феноменологического подхода мы постараемся представить религиозно-философскую деконструкцию проблемы восточно-христианского кардиоцентризма в рамках трансплантологического дискурса.

Ретроспектива трансплантологии сердца и преодоления традиционных критериев смерти

В 1875 году Данилевский и Кэтон представили научному сообществу наиболее полное исследование электрофизической активности мозга животных. Первый снимок ЭЭГ датируется 1928 годом. История искусственной вентиляции легких насчитывает столетия. Библейскому сюжету оживления мальчика пророком Илией и во все более двух тысяч лет. Начиная с Парацельса эксперименты

И.Г. Курганова
Многомерность
тела: проблема
восточно-хри-
стианского кар-
диоцентризма
в контексте
транспланто-
логии

■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
ЦЕННОСТИ.
ИДЕАЛЫ**
■■■■■■■■■■

по использованию различных конструкций для проведения ИВЛ становятся все более распространенными. К концу XIX – началу XX века успехи в функциональном изучении физиологии животных привели к появлению в первой четверти XX века достаточно разработанных аппаратов вентиляции легких, сначала механических, а позже с электроприводом, которые использовались на человеке в торакальной хирургии повсеместно. В 1952 году благодаря удачным экспериментам шведа Ибсена по использованию вентиляции с положительным давлением появился первый аппарат массового применения, ставший прототипом всех последующих аппаратов ИВЛ. Итак, человек научился «вдыхать жизнь», что истонно признавалось прерогативой Бога.

Следующий этап в развитии медицинского вмешательства в жизненные процессы стал решающим и по-настоящему судьбоносным для развития трансплантологии. Несколько десятков лет непрерывных экспериментов на кошках и собаках сделали возможным появление аппарата искусственного кровообращения. Первый аппарат был создан советскими учеными С.С. Брюхоненко и С.И. Чечулиным в 1926 году и применен в экспериментах на собаках. В 1934 году Джек Гиббон и его жена после череды экспериментов на кошках в лаборатории Массачусетской больницы создали свой аппарат искусственного кровообращения, позволявший кошкам оставаться живыми с полной окклюзией легочной артерии до 2 часов 51 минуты. Вернувшись в Филадельфию, Гиббон продолжил свои исследования, в результате которых внес многочисленные изменения в свой аппарат, и в 1939 году он сообщил о долгосрочной выживаемости кошек после экстракорпорального кровообращения [Мезрич, 2019: 128]. Впервые Гиббон подключил человека к аппарату искусственного кровообращения в феврале 1952 года: пациенткой была 15-месячная девочка. Операция прошла неудачно. 3 июля 1952 года в США была проведена первая успешная операция на открытом сердце с использованием аппарата искусственного кровообращения кардиохирургом Форестом Д. Додрилом. 6 мая 1953 года Гиббон также провел успешную операцию на открытом сердце с использованием АИК. Всего из 5 операций Гиббона на открытом сердце человека успешной оказалась только одна, и это привело его к отказу от использования АИК. В 1955 году аппарат Гиббона был усовершенствован Дж. Кирклином. В этом же году К. Лиллехай и Р. де Уолл создают свой более простой и недорогой вариант АИК. В 1955 году к созданию аппарата присоединился В. Колф, его аппарат позднее стал называться «Мембранный оксигенатор» [там же: 142]. В последующие 10 лет кардиохирургами по всему миру были сконструированы новые эффективные аппараты, основанные на трех

известных техниках. В СССР в 1957 году А.А. Вишневским была проведена первая успешная операция с использованием АИК.

С изобретением аппарата искусственного кровообращения человек получил возможность останавливать и запускать сердце. Очень точно эту веху в развитии медицинских технологий описывает американский трансплантолог Джошуа Мезрич: «Если вам по силам остановить сердце и запустить его по собственной воле, есть ли что-то, что вы не можете сделать?» [там же: 132]. Следующим шагом стала трансплантация сердца.

В ночь со 2 на 3 декабря 1967 года южноафриканский хирург Кристиан Барнард осуществил первую в мире пересадку сердца от человека к человеку. Барнард закончил аспирантуру в США, а затем обучался трансплантологии у Юма в Ричмонде, где он и принял решение посвятить себя трансплантации сердца и стать первым, кто осуществит такую операцию на человеке с донорским сердцем от человека. Он лично встречался с Демиховым в СССР, проводившим пересадки сердца и легких собакам, а также внимательно следил за научными исследованиями американцев Лоуэра и Шумвея, которые 10 лет проводили трансплантации на собаках и имели несравненную клиническую практику в этой области. Так почему же все-таки ЮАР, а не США? Главная проблема заключалась в том, что понятия «смерть мозга» еще не существовало в США, а в Южной Африке, согласно законодательству, человек признавался мертвым, если его смерть подтверждали два врача. Первым донором стала белая девушка 24 лет Дениз Дарвалл. Ее расовая принадлежность также имела значение. Барнард, принимая во внимание факт расовой изоляции в ЮАР, понимал, что, нарушая привычные этические границы, он получил бы еще больше негативных комментариев, если бы «первым донором с констатированной смертью мозга стал чернокожий человек» [там же: 160]. Дениз и ее мать сбил грузовик: мать скончалась на месте, а дочери констатировали смерть мозга в клинике. Отец девушки дал согласие на изъятие сердца. Барнард комментировал этот шаг следующим образом: «Дениз Дарвалл попала в мир между жизнью и смертью, мир созданный современной наукой и медициной. Она оставалась жива благодаря стимулирующим препаратам, переливаниям крови и, что самое важное, искусственной вентиляции легких. Скорость наступления ее смерти целиком зависит от того, как долго мы продержим ее на аппарате» [там же: 160]. Слова знаменитого хирурга как нельзя лучше иллюстрируют проблему «контролируемого донорства». Как отмечает О.В. Попова, оно «неотъемлемо связано с возможностью осуществления прагматического контроля над процессом умирания» [Попова, 2019: 114]. У этой категории доноров «изъятие органов

И.Г. Курганова
Многомерность
тела: проблема
восточно-хри-
стианского кар-
диоцентризма
в контексте
транспланто-
логии

■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
 ЦЕННОСТИ.
 ИДЕАЛЫ**
 ■■■■■■■■■■

начинается в планируемый срок, то есть очевидным является факт управления [со стороны медицинского персонала] моментом наступления смерти» [Резник, Скворцов, Попова, 2018: 117]. Сердце Дениз пересадили 53-летнему Луису Вашакански, страдавшему сердечной недостаточностью. Мужчина прожил с новым сердцем 18 дней и умер от тяжелой послеоперационной пневмонии. Следующую операцию по пересадке сердца Барнард провел 2 января 1968 года. Реципиентом стал 58-летний Филип Блайберг, которому пересадили сердце 24-летнего чернокожего мужчины, умершего от инсульта. Блайберг прожил 19 месяцев. 6 января 1968 года первая трансплантация сердца в США от человека к человеку была проведена Шумвеем в Миннесоте. Реципиент скончался на 14-й день после трансплантации.

Особой вехой в трансплантологии сердца и легитимизации нового критерия смерти стала пересадка сердца от 56-летнего Брюса Такера Джозефу Клетту, проведенная Лоуэром 25 мая 1968 года в Ричмонде, Вирджиния. После сильного удара головой о тротуар Такера привезли вечером 24 января в больницу. На следующий день в 13:00 ЭЭГ Такера показала отсутствие мозговой активности — врачи пришли к заключению, что у него нет шансов на выздоровление и смерть неминуема [Мезрич, 2019: 166]. Об этом оповестили кардиохирургов Юма и Лоуэра. Юм обратился в полицию с просьбой найти родственников потенциального донора. Уже в 14:30 полицейские сообщили, что родственников найти не удалось. От государственного судмедэксперта было получено разрешение на извлечение органов. Операция прошла успешно — реципиент прожил с сердцем Такера неделю, пока не умер от отторжения. Для Лоуэра это была первая пересадка человеческого сердца, хотя на тот момент он был опытейшим кардиохирургом-трансплантологом, так как провел сотни пересадок сердца у собак. Но объективная значимость операции не в этом. Через несколько дней после операции нашлись братья донора. Осознание того факта, что их родственник умер в одиночестве и из его тела были извлечены органы, когда сердце Такера еще билось, стало для них тяжелом ударом. Трансплантолог Мезрич отмечает, что, несмотря на констатацию неврологами смерти мозга, «все эти события произошли за три месяца до того, как такой диагноз был определен в американской литературе, и более чем за 10 лет до того, как смерть мозга стала по закону синонимична смерти» [там же: 167]. Для семьи Такеров это была настоящая трагедия, которая усугублялась расовой дискриминацией темнокожих в США. Такеры подали в суд на Юма и Лоуэра. Хирурги могли проиграть, но их «спасла» статья о смерти мозга, которая была опубликована в «Журнале Американской медицинской ассоциации» и одобрена

авторитетными учеными того времени. Команде Юма и Лоуэра удалось доказать, что на момент определения смерти мозга Такер уже был мертв, поэтому извлечение сердца не могло его убить. Известный профессор и биоэтик Джозеф Флетчер описал состояние Такера следующим образом: «После утраты функции мозга не остается ничего, кроме биологических процессов. Пациент мертв, несмотря на то, что его тело живет и некоторые из жизненно важных функций продолжают. Он может быть технически “жив”, но не являться при этом личностью. Как личность он, вне всяких сомнений, мертв» [там же: 168]. Вердикт присяжных «невиновны» стал важнейшим прецедентом в формировании нового биоэтического законодательства и закреплении неврологического критерия смерти человека. Как отмечают российские биоэтики А.Я. Иванюшкин и О.В. Попова, проблема смерти мозга — «типичная междисциплинарная проблема современной науки... В плане трансплантологии решение проблемы дефицита донорских органов почти целиком пока зависит от признания в обществе пациентов с диагнозом смерти мозга уже умершими. В философском осмыслении дилеммы смерти мозга (жив этот пациент или мертв), во-первых, вновь актуализируются такие категории, как “бытие”, “жизнь”, “смерть”, “человек”, “личность”. Во-вторых, вновь требует обсуждения (применительно к данной конкретной диагностической ситуации) философский вопрос о границах научного познания» [Иванюшкин, Попова, 2013: 104].

В рассматриваемой проблемной области есть еще более каверзный вопрос — развитие ксенотрансплантологии. Ксенотрансплантология, пересадка органов и тканей от животного человеку, по-прежнему несет в себе серьезные риски для здоровья реципиента. История ксенотрансплантологии насчитывает более 30 лет. В 2016 году доктор Мохиуддин в журнале *Nature Communication* опубликовал результаты пересадки свиного сердца бабуину. Бабуин прожил с донорским сердцем 945 дней. До этого средний срок выживания бабуинов-реципиентов составлял 180–400 дней.

7 января 2022 года ученые медицинского центра Университета Мэриленда пересадили 57-летнему Дэвиду Беннету сердце генномодифицированной свиньи. Были отключены четыре свиных гена: три, способствующих отторжению человеческим организмом, и один, отвечающий за избыточный для человеческих параметров рост. Шесть человеческих генов, способствующих принятию органа человеческим организмом, были вставлены. Из-за аритмии господину Беннету нельзя было имплантировать артериальный насос (искусственное сердце), а в списке реципиентов, ожидающих трансплантации сердца от другого человека, он не мог быть включен, так как не подходил под критерии отбора. Беннет

И.Г. Курганова
Многомерность
тела: проблема
восточно-хри-
стианского кар-
диоцентризма
в контексте
транспланто-
логии

■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
ЦЕННОСТИ.
ИДЕАЛЫ**
■■■■■■■■■■

прожил с пересаженным от свиньи сердцем два месяца и умер из-за свиного цитомегаловируса, поразившего сердце.

Второй в мире реципиент, которому пересадили свиное сердце, Лоренс Фосетт, умер в октябре 2023 года в США спустя 6 недель после трансплантации. У пациента была терминальная стадия сердечной недостаточности, поэтому участвовать в программе традиционной пересадки сердца он не мог.

Ксенотрансплантация потенциально может спасти тысячи жизней, но связана с очень высокими рисками, включая не только возможность опасного иммунного ответа, но и зоонозной инфекции. В рамках религиозно-философской антропологии открывается не менее важный вопрос — о сохранении человеческой идентичности и пределах возможного вмешательства в природу человека, не только биологическую, но и духовную, если мы рассматриваем человека как многомерное существо. Представители традиционных конфессий выразили свое одобрение по поводу пересадки свиного сердца человеку. Однако из положений религиозно-философских доктрин вывести такое однозначное одобрение невозможно, поскольку в них содержится больше аргументов «против», чем «за». А обстоятельной богословской рефлексии на эту тему встретить пока не удалось. Проблемы развития ксенотрансплантологии должны стать предметом отдельного междисциплинарного исследования.

Таким образом, традиционные критерии смерти — дыхание и сердцебиение — были преодолены в процессе развития медицинских технологий. В результате их развития человек получил возможность искусственно поддерживать дыхание, останавливать и запускать сердце. И только остановка мозговой активности является пока неподвластной человеческим манипуляциям, но что если это временный этап? Что если и этот критерий будет преодолен с развитием компьютерного чипирования различных отделов мозга и проведением экспериментов по оживлению мозга? Как и на основании чего будет проведена демаркация жизни и смерти человека? Где проляжет граница возможного медицинского и биотехнологического вмешательства в жизненные процессы человеческого тела? Сохранится ли идентичность человека, если будет создан гибрид человека и техники на уровне высшей нервной деятельности? У нас пока нет ответов на эти вопросы. Но в традиционных религиозно-философских антропологических системах отношение к человеку и его телу, к жизненным процессам в нем и собственно к идентичности человека подразумевает многомерный подход, сочетание духовного и материального начал. Данный аспект, даже без религиозно-метафизической нагруженности, способен в рамках биоэтического дискурса предоставить гуманитарное дополнение и систему сдержек и противовесов для

одномерного понимания человека как исключительно биологического организма в естественных науках.

Проблема восточно-христианского кардиоцентризма в трансплантологическом дискурсе

Традиционными для христианской антропологии критериями жизни были дыхание и сердцебиение, именно они считались проявлениями души, которую Бог вдохнул в человека. Достижения медицинской науки привели к фактическому преодолению традиционных критериев смерти человека: прекращение дыхания и небиющее сердце (остановка сердца), — в пользу нового критерия — смерти мозга. Хотя Православная Церковь легитимизировала органное донорство, вопрос о критериях смерти человека остается дискуссионным. Богословская позиция исключает пребывание души в каком-то отдельном органе, но этим не исключается особая духовная связь органов с душой. Особое значение это имеет в отношении сердца: помимо физической функции в христианской антропологии ему отводится духовная роль. При этом метафизическая значимость сердца настолько высока, что она становится одной из центральных тем восточно-христианской сотериологии, антропологии и гносеологии.

Важно отметить, что, согласно христианской антропологии, понятие сердца не тождественно одноименному физическому органу, хотя между ними существует необходимая связь и соответствие. «Телесный орган — один из аспектов сердца в православно-аскетическом понимании», — отмечает В. Леонов [Леонов, 2016: 81]. Известный православный мыслитель, врач, святитель Лука Войно-Ясенецкий писал о втором значении сердца: «Уже во времена древних греков слова “фрин”, “кардиа” означали не только сердце в прямом значении, но также душу, настроение, взгляд, мысль, даже благоразумие, ум, убеждение и т.д. “Народное чутье” уже издавна верно оценивало важную роль в жизни человека» [Святитель Лука (Войно-Ясенецкий), 2021: 19]. Сердце как категория восточно-христианской мистической традиции намного превосходит все возможные физические значения этого органа. При этом, ввиду существования незримого соответствия между духовным и физическим органом, сердце в метафизическом понимании не может рассматриваться совершенно отдельно от биологического.

Как пишет протоиерей Вадим Леонов: «В теле человека сердце представлено в виде физиологического органа, который посредством кровообращения обеспечивает жизненной силой все части тела. На уровне души оно есть источник душевных сил (Никодим Святогорец)

И.Г. Курганова
Многомерность
тела: проблема
восточно-хри-
стианского кар-
диоцентризма
в контексте
транспланто-
логии

и орган восприятия душевных переживаний. В сфере человеческого духа оно проявляется как духовное чувство» [Леонов, 2016: 82].

В русском переводе Библии слово «сердце» упоминается в Ветхом Завете 591 раз, в Новом Завете — 155 раз, к этому числу также можно добавить более 150 производных от него слов — уже на этом на основании можно судить, что оно является «едва ли не центральным символом библейского представления о человеке» [Альбедиль, 2003: 232]. Христианская антропология подразделяет человека на внутреннего и внешнего. В Евангелии внутренний человек определяется как *«сокровенный сердца человек»* (1 Пет. 3,4), то есть сердце олицетворяет собой, прежде всего, духовную природу. Но тем и сложна богословская «кардиология», что она связывает сотни возможных значений и смыслов сердца с самыми различными аспектами существования человека и его восхождения к духовной целостности и святости. Роль познания, по замыслу Творца, возложена как на ум, так и на сердце. До грехопадения они пребывали в единстве, грехопадение разрушило их союз. Однако духовное совершенствование способно возродить его, тогда, согласно Никодиму Святогорцу, ум, пребывая в сердце, увидит его подлинное содержание.

Из необъятного количества значений сердца для духовной жизни, согласно православной антропологии, попробуем выделить основные группы.

1. Сердце как центр жизни.

Ранее мы писали о том, что святоотеческая традиция отрицает пребывание души в каком-либо одном органе. Так, Немесий Эмесский напоминает о том, что, когда говорится о пребывании души в теле, «то понимается это не в том смысле, что она находится в теле как в месте, но в смысле связи, взаимоотношения» [Немесий Эмесский, 2011: 200]. Также не соглашается Григорий Нисский ни с теми, кто помещает душу в головной мозг, ни с теми, кто считает ее обиталищем сердце. Как пишет христианский мыслитель, она «по необъяснимому закону срастворения без предпочтительности соприкасается с каждым членом» [Нисский, 2011: 54].

В рамках христианской антропологии — человек жив, пока душа (дух) пребывает в теле, то есть сохраняются необходимые условия для взаимодействия души с телом. Смертью является момент разлучения души и тела. Григорий Нисский сравнивает тело с музыкальным инструментом, а душу — с искусным музыкантом, который не сможет показать свое искусство на испорченном инструменте. «Ум обыкновенно состоит в каком-то свойстве с тем, что в естественном положении, и чужд тому, что выведено из этого положения», — заключает богослов [там же: 60]. «Ум (душа. — И.К.) управляется Богом, а умом — наша вещественная жизнь, когда она

в естественном состоянии. Если же уклоняется от естества, то делается чуждой и деятельности ума», — пишет Григорий Нисский [там же: 62]. Но если никакой отдельный орган не обладает правом вмещать единолично в себя душу, то сердцебиение традиционно рассматривалось как рубеж между жизнью и смертью.

Логично предположить, что гибель мозга с неизбежностью приведет к естественной остановке сердца. Но слово «естественная» здесь является ключевым моментом. В случае искусственного поддержания аппаратурой дыхания и сердцебиения исход души из тела перестает быть очевидным в рамках традиционного метафизического понимания смерти в христианстве. «Труп с бьющимся сердцем» и таинство смерти в восточно-христианской антропологии совместить очень сложно. А если к этому еще добавить тот факт, что при констатации смерти по научно обоснованным неврологическим критериям в человеке продолжается жизнь сердца, метафизический эквивалент которого является центром душевной жизни и составляет одну из важнейших тем православной антропологии, то вынести единственно верное и окончательное решение по поводу обоснованности смерти мозга в качестве критерия смерти человека с позиции метафизической истины в православии представляется невозможным. А последнее несоответствие для православия является решающим препятствием в вынесении однозначной позиции по легитимизации неврологического критерия смерти как единственно верного.

В восточно-христианской антропологии сердце играет роль единого центра жизни как тела, так и души, гармонизирующего и соединяющего все части человеческой природы в единое целое. Как пишет свт. Феофан Затворник, «сердце наше точно есть корень и центр жизни» [Феофан Затворник, 2016: 410]. В сердце сосредоточены все переживания человека как физические, так и душевные. По мысли Феофана Затворника, подобный груз возложен на сердце, «чтоб поддерживать энергию всех сил души и тела» [там же: 411]. Это важное предназначение сердца подчеркивается в Священном Писании: *«Больше всего храни сердце твое, потому что из него источники жизни»* (Притч. 4, 23). Никодим Святогорец писал о центральной роли сердца в жизни человека следующее: «Сердце является естественным центром человека, поскольку оно раньше всех других членов появляется в организме и позже других разрушается и поскольку оно есть корень всех чувственных и мысленных сил души» [цит. по: Леонов, 2016: 83]. Таким образом, согласно основным представлениям восточно-христианской антропологии, именно сердце обеспечивает своей безостановочной работой жизнь человека, придает ей целостность и гармонию.

2. Сердце как орган духовного познания.

В восточно-христианской мистике сердце — высший орган духовного познания. О преимуществах истинно ведающего сердца

И.Г. Курганова
Многомерность
тела: проблема
восточно-хри-
стианского кар-
диоцентризма
в контексте
транспланто-
логии

Доминирование сердца в мистическом познании приводит к его противопоставлению уму: «*Надейся на Господа всем сердцем твоим, и не полагайся на разум твой*» (Притч. 3,5). Однако не любое сердце способно познать Бога, а только «чистое» — очищенное от страстей и стремления ко злу. Об этом предостерегает Феофан Затворник. Поскольку сердце — «корень и центр жизни», казалось бы, необходимо отдать ему всю власть «над управлением жизнью», ведь изначально именно такая роль и была отведена сердцу, однако, как пишет святитель, «превзошли страсти и все помutilи». При них сердце указывает наше состояние неверно, впечатления и вкусы искажены и «возбуждения других сил направляются не в должную сторону». В подобном состоянии «помутненного» сердца необходимо обратиться за поддержкой к уму, чтобы подвергать «пришлые страсти» проверке разума: «Потому теперь закон — держать сердце в руках и подвергать чувства, вкусы и влечения его строгой критике. Когда очистится кто от страстей, пусть дает волю сердцу, но, пока страсти в силе, давать волю сердцу значит явно обречь себя на всякие неверные шаги» [Феофан Затворник, 2016: 410].

Таким образом, противопоставление ума и сердца в восточно-христианской антропологии весьма условно, оно уместно, когда речь идет о высшей ступени познания — открытии Бога и Истины. Полагается, роль познания, по замыслу Творца, возложена как на ум, так и на сердце. До грехопадения они пребывали в единстве, грехопадение разрушило их союз. Однако духовное совершенствование способно возродить его, тогда, согласно Никодиму Святогорцу, ум, пребывая в сердце, увидит его подлинное содержание.

Итог высшего духовного познания — открытие Бога. Как мы рассмотрели ранее, на это способно только сердце: «*всем сердцем моим ищу Тебя*» (Пс. 118, 10). Мотив сердца как места встречи Бога и человека пронизывает не только христианскую, но и иудейскую и мусульманскую мистику. Известны слова знаменитого суфийского мистика Джалаладдина Руми «Кааба — это сердце, а не каменный дом». Ни грандиозные культовые сооружения, ни сложные концепции, рожденные разумом, не могут привести к Богу. Как говорил Феофан Затворник, через сердце «человек входит в связь со всем

существующим». Восточно-христианские мистики всегда различали представление о Боге и непосредственную связь с Богом. Как мы рассмотрели выше, ум может быть проводником на пути духовного восхождения только на определенном отрезке — в самой кульминационной части узреть Бога способно только чистое сердце: *«блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят»* (Мф. 5, 8). Именно в сердце изливается благодать Божья, что делает его самым ценным духовным сокровищем: *«Сердце является и вышеестественным центром, поскольку вышеестественную благодать Божию, даруемую нам во святом Крещении, мы приемлем в сердце, чему мы находим подтверждение в Священном Писании»* [цит. по: Леонов, 2016: 82]. О сердце как месте встречи или соприкосновения с Богом в Священном Писании говорится много: *«Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца»* (2 Кор. 4, 6); *«Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: «Авва, Отче!»* (Гал. 4, 6). К сердцу человека стремится Бог: *«Сын мой! Отдай сердце твое мне»* (Притч. 23, 26). Оно в свою очередь способно без слов воспринять обращение Бога. Как пишет прот. В. Леонов, *«высший ответ, который может дать человеческое сердце Богу, — это любовь»*. В заповеди любви к Богу сердце упоминается первым: *«возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею, и всем разумением твоим»* (Мф. 22, 37). Любовь и есть высшее чувство, на которое способно сердце. Именно она, согласно восточно-христианской антропологии, рождаясь в сердце, освящает душу человека и все его существо, даруя ему внутреннее единство души и тела, гармонию сердца и ума, соединяет человека с Богом и позволяет ему смотреть на мир глазами любви, во всем видя замысел Творца.

Но поскольку сердце человека поддается любым воздействиям и впечатлениям — как хорошим, так и дурным, то соответственным бывает и его воздействие на жизнь и духовный путь человека. *«Чистое»* сердце влечет к Богу, *«замутненное»* — уводит от него: *«этот народ приближается ко Мне устами своими, и языком своим чтит Меня, сердце же его далеко отстоит от Меня»* (Ис. 29, 13), *«обратитесь к Богу во глубину сердца, от которого вы далеко отступили»* (Ис. 31, 6).

Особые способности и дарования сердца проявляются в молитвенном общении с Богом. В православной традиции особой силой и устремленностью к Богу обладает Иисусова молитва. Согласно старцу Софронию, для подвига молитвы необходимы две составляющие: *«Первая заключается в попытке человека сосредоточиться в своем сердце и расположить в смирении свой дух. Вторая... есть благодать Святого Духа, без которой ничто не может быть достигнуто»* [цит. по: Захария, 2002: 218]. Как полагал Софроний, *«борьба за самоотречение»* привносит в человеческое сердце сокрушение и чувствительность к духовной боли. *«Сердце становится ядром личности человека.*

И.Г. Курганова
Многомерность
тела: проблема
восточно-хри-
стианского кар-
диоцентризма
в контексте
транспланто-
логии

■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
 ЦЕННОСТИ.
 ИДЕАЛЫ**
 ■■■■■■■■■■

Страдание и смирение привлекают к себе Божию благодать, которая укрепляет и соединяет ум и сердце, равно как и все остальные душевные силы, ослабленные в результате грехопадения. То есть соединение ума и сердца является целебным действием, которое осуществляется благодаря гармоничному сосуществованию божественного и человеческого факторов», — так описывает архимандрит Захария начало приобретения человеком ипостаси, божественной личности [там же: 218]. Архимандрит Захария приводит четыре основных явления, открывающихся в практике Иисусовой молитвы и непосредственно действующих сердце как орган духовного познания и место встречи с Богом: «Во-первых, благодаря онтологической связи имени с личностью Иисуса, действие Божества передается душе и телу. Весь человек постепенно освобождается от плотского мудрствования и власти греха и становится целью “посещения” Господня. <...> Во-вторых, подвижник, пытаясь удержать ум в сердце через сосредоточение внимания на одной лишь мысли Божией, постепенно научается не обращать внимания на сатанинские помыслы, которые насильственно пытаются проникнуть и помешать священному деланию молитвы. В-третьих, благодаря молитве подвижник упражняется в том, чтобы удерживать те Божественные помыслы, которые расширяют его сердце и “плениют всякое помышление в послушание Христу” (2 Кор. 10, 5). Тогда все способствует его освящению через любовь в Духе. В-четвертых, трезвение ума становится чем-то естественным, потому что Тот, Кто царствует в сердце, превосходит все, что есть в мире сем» [Захария, 2002: 219]. Как полагал старец Софроний, все духовные дары были даны этому миру в акте схождения Сына Божия на землю и в преисподнюю, а затем с его восхождением. Подобный путь надлежит пройти и человеку: «Он низводит свой ум в глубины сердца и там встречает Спасителя Бога. Когда ум окрыляется благодатью, он воцаряется в сердце, то есть во всем бытии человека, и возносит все его существование к Богу» [там же: 219]. Таким образом, высшей точкой духовного преобразования, которое наступает благодаря деланию умной молитвы, является момент «благоволения Божия»: отверзается сердце, и человек через него обретает опыт вечности. «В него входит и поселяется Бог, осуществляя истинное обновление человека в онтологическом плане Своей Любви» [там же: 221]. Таким образом, наиглавнейшая роль в процессе этой онтологической трансформации отводится сердцу.

4. Сердце как вместилище всех чувств и переживаний человека.

Сердце является главным олицетворением внутренней природы человека. «Сторона чувства — сердце», — писал Феофан Затворник [Феофан Затворник, 2016: 410]. Оно сосредотачивает в себе все духовные и душевные переживания человека, как положительные, так и отрицательные. Имея соответствие с физическим

сердцем, вбирающим в себя кровь и вновь отдающим ее органам и тканям, духовное сердце вбирает в себя все впечатления внешнего мира, все реакции человека на события его жизни, все его переживания и страсти, «таинственно объединяет их в себе, переживает их и реагирует на них через изменение настроения, желания, эмоции, помыслы, побуждая человека к определенным поступкам» [Леонов, 2016: 84]. В Евангелии об этом говорится следующее: «От избытка сердца говорят уста. Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе, а злой человек из злого выносит злое» (Мф. 12, 34–35). В терминах психологии ум можно обозначить «сознанием», а сердце — «бессознательным». Феофан Затворник напоминал о том, что ум должен быть стражем сердца, чтобы не попала в него скверна: «Всякого подходящего, помысел, чувства, желание, — спрашивай: свой или чужой. Чужих гони без жалости, — и будь не умолим» [Феофан Затворник, 1892].

Также и Симеон Новый Богослов полагал основным требованием Бога к человеку очищение сердца посредством внимания [Симеон Новый Богослов, 1993: 191]. Для большинства людей содержимое своего сердца остается неведомым, и неосознаваемые влечения получают власть над человеком. Как пишет прот. В. Леонов, «греховность всякого рода, воспринятая сердцем, порождает в сознании человека как бы немотивированные греховные желания, слова, поступки и помыслы» [Леонов, 2016: 87]. Макарий Великий метафорично говорит о содержимом сердца следующее: «Сердце — малый сосуд, но там есть змии, там есть львы, там есть ядоносные звери... там пути негладкие и стропотные, там пропасти» [Макарий Великий, 2004: 240]. Однако, по мысли святого отца, сердце — также и сокровищница, в которой «Бог, там Ангелы, там жизнь и царство, там свет и апостолы, там сокровища благодати, там есть все» [там же: 240]. Согласно православной богословской мысли, посредством любви к Богу, духовного делания: аскезы, молитвенной практики, — и по благодати Божией сердце может очиститься от скрытой греховности и достигнуть святости.

В контексте рассмотрения проблемы христианского кардиоцентризма в ракурсе трансплантологии значимым также является вопрос о психологической идентичности человека: в контексте православной антропологии — это вопрос о сохранении ипостасной или духовно-личностной идентичности. Поскольку сердце в восточно-христианской антропологии — это важнейший духовный орган, играющий особую роль на пути мистического восхождения души к Богу, а между духовным сердцем и физическим есть определенное соответствие и синхронизация, то не будет ли, с точки зрения православного мистицизма, нарушена духовно-личностная идентификация реципиента при пересадке донорского

И.Г. Курганова
Многомерность
тела: проблема
восточно-хри-
стианского кар-
диоцентризма
в контексте
транспланто-
логии

■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
 ЦЕННОСТИ.
 ИДЕАЛЫ**
 ■■■■■■■■■■

сердца? Интервьюирование людей, перенесших трансплантацию сердца, показало, что у большинства из них психологическая самоидентификация претерпела изменения. Психиатры и нейробиологи высказали предположение, что подобные явления могли быть вызваны серьезным стрессом, перенесенным организмами реципиентов в результате сложнейшей операции. Однако объяснить наличие корреляций между изменениями в психике и поведении реципиентов и темпераментом, наклонностями и образом жизни доноров на основании данной гипотезы оказалось невозможным. Была предложена новая гипотеза, находящая пока мало научных обоснований, так называемая теория клеточной памяти [Pearsall, 1999]. В рамках православной антропологии данный феномен находит метафизическое объяснение. Выше мы постарались раскрыть метафизическое содержание проблемы кардиоцентризма в восточно-христианской традиции. Согласно ей, сердце — наиглавнейший духовный орган, влияющий на все сферы душевного и телесного бытия человека. Духовное сердце имеет связь и соответствие с физическим сердцем. Поскольку все пережитое человеком оставляет на сердце своеобразный отпечаток, то сердце донора способно перенести этот отпечаток или хотя бы его часть на душевно-телесную организацию реципиента, влияя в той или иной степени на его духовно-личностную идентификацию. Следуя данной логике, можно предположить, что влияние будет зависеть от наклонностей донора и его духовного развития, а также духовной силы и целеполагания самого реципиента.

Ранее мы обозначали наиболее очевидные трудности принятия православной церковью нового критерия смерти человека — критерия смерти мозга и отказа от традиционных критериев остановки сердца и прекращения дыхания. В рамках католической традиции этот вопрос нашел позитивное разрешение. Как высказался в своем выступлении Папа Иоанн Павел II на XVIII международном Конгрессе по трансплантации органов 29 августа 2000 года, смерть в ее «первичном» или метафизическом смысле не может установить ни один научный метод, и в этом смысле она была и остается тайной. По причине этого метафизическая составляющая смерти выносится за скобки, и фактически в качестве критерия смерти человека признается отсутствие мозговой активности. Позиция католической церкви по этому вопросу обозначена так: «...критерий, принятый в более поздние времена для установления факта смерти, а именно полное и необратимое прекращение всякой мозговой деятельности, если его строго применять, по-видимому, не противоречит существенным элементам здоровой антропологии. Поэтому медицинский работник, профессионально ответственный за установление смерти, может использовать эти критерии в каждом

отдельном случае в качестве основы для достижения той степени уверенности в этическом суждении, которую моральное учение описывает как “моральную уверенность”. Эта моральная уверенность считается необходимой и достаточной основой для этически правильного курса действий» [Juan Pablo II, 2000].

Особенности восточно-христианской метафизики и богословия делают невозможным подобный прагматичный подход к принятию критерия смерти человека. Рассуждая о различии западного христианства и восточного, греческий философ и богослов Х. Яннарас пишет о том, что в католичестве «истина отождествляется с интеллектуальными определениями, объективируется, подчиняется утилитарности, и эта ставшая утилитарной истина объективирует саму жизнь, превращает ее в технологическую истерию и отчуждение человека» [Яннарас, 2005: 90]. В контексте трансплантологии, как нам представляется, католическая церковь сделала как раз многое, чтобы преодолеть отчуждение человека. Сама позиция католических священников, включающих себя в реестры потенциальных доноров, способствовала распространению христианских этических ценностей в этой сфере. Однако невозможно не согласиться с Яннарасом по поводу отождествления истины в западном христианстве с интеллектуальными определениями. Метафизические истины, в силу их трудноприменимости в утилитарной прагматике, исчезают из биоэтического дискурса католической церкви. Очень метко об этом пишет опять же Х. Яннарас: «Подчинение опыта церкви рационалистической достоверности подготовило и рационалистическое опровержение этой достоверности. Рационализм, освобожденный от метафизических гарантий, которыми снабжала его схоластика, подготовил в истории господство индивидуалистического эмпиризма» [там же: 90]. В отличие от католичества и протестантизма православное христианство не отказывалось от метафизических истин, не выносило их за скобки, они по-прежнему составляют основу ее антропологического учения и богословия. В своей основе восточно-христианские представления о Боге и человеке исходят из апофатизма ипостаси, или божественной личности. Согласно этим представлениям, основа и центр жизни находится в сердце человека, поэтому однозначное принятие критерия прекращения мозговой активности в качестве основного критерия смерти человека привело бы православную церковь в противоречие с собственным богословием и метафизикой. «Потому-то и человек может одухотвориться, что ему дано при творении нечто от Духа. <...> Тело может стать одухотворенным» (1 Кор. XV, 44). «В этом устройении человека “по образу” и видно отображение иного плана, видно, что человек изначально божественен, что он не только земнороден, что в нем заложено богочеловеческое, почему и своим устройением он символически говорит о Боге. При большей чуткости и прозорливости можно, всматриваясь в человека,

И.Г. Курганова
Многомерность
тела: проблема
восточно-хри-
стианского кар-
диоцентризма
в контексте
транспланто-
логии

читать символические начертания руки и по нему учиться интуитивно богословствовать. И человек этот ждет своего возвращения в вожделенное отечество, чтобы снова стать жителем рая, как о том говорит погребальный чин» [Киприан, 2006: 349], — эти слова архимандрита Киприана как нельзя лучше иллюстрируют содержание восточно-христианского апофатизма личности, который представляя собой путь Богопознания в сакральной сфере, является религиозно-мотивированным путем защиты целостной природы человека (в единстве телесного и духовного) в профанном мире. Под последним в рамках нашего исследования мы подразумеваем сферу биотехнологического знания. Трансплантология как часть этой сферы подвержена воздействию научного редукционизма, низводящего сложную природу человека до физиологических составляющих и полагающего духовно-личностные аспекты человека в качестве производных мозговой активности. Кардиоцентризм, являясь одной из центральных метафизических концепций восточно-христианской антропологии, представляет собой полностью противоположный редукционизму религиозно-антропологический подход к человеку.

* * *

В результате исследования проблемы восточно-христианского кардиоцентризма в контексте трансплантологии мы пришли к выводу о том, что концепты религиозно-философской антропологии в целом и концепт сердца в частности могут быть рассмотрены как ряд идеальных религиозно-метафизических конструктов, которые, с одной стороны, могут быть противопоставлены экономическому утилитаризму, с другой — упрощенному подходу к телу человека как биологическому механизму [см.: Курганова, 2018], а его органам — как к биологическим запчастям, и, наконец, они могут быть восприняты и поняты в своем буквальном феноменологическом значении — как содержание сознания человека, оказывающее основную регулятивную функцию (религиозный код) в жизни верующих индивидов, а также как неосознаваемые мотивы выбора на уровне коллективных архетипов и символов, даже если мы говорим о неверующих потенциальных участниках программ органного донорства.

The Multidimensionality of the Body: The Problem of Eastern Christian Cardiocentrism in the Context of Transplantation

Irina G. Kurganova

CSc in Philosophy, Junior Researcher.

RAS Institute of Philosophy.

ORCID: 0000-0001-7207-2095
oceania@list.ru

Abstract. The article is an interdisciplinary study of the Christian problem of cardiocentrism. The traditional criteria of life in Christian anthropology were breathing and heartbeat; they were considered to be manifestations of the soul that God breathed into man. Advances in medical science have led to a factual overcoming of traditional criteria for human death, such as cessation of breathing and cardiac arrest, in favor of a new criterion: brain death. Although organ donation has been legitimized by the Orthodox Church, the question of criteria for human life remains debatable. The theological position excludes the presence of the soul in any separate organ, but this does not exclude the special spiritual connection between the organs and the soul. This question is of particular importance in relation to the heart, in addition to its physical function it is also given a spiritual role in Christian anthropology. The problem of cardiocentrism in the context of transplantology seems to be very serious and requires special research.

Keywords: concept of the heart, cardiocentrism, transplantology, organ donation, religion and transplantology, religion and science, religious and philosophical anthropology, philosophy of religion.

For citation: Kurganova I.G. The Multidimensionality of the Body: The Problem of Eastern Christian Cardiocentrism in the Context of Transplantation // *Chelovek*. 2025. Vol. 36, N 2. P. 155–175. DOI: 10.31857/S0236200725020099

Литература/References

- Альбедиль М.Ф. Зеркало традиции. СПб.: Азбука-классика, Петербургское Востоковедение, 2003.
Albedil M.F. *Zerkalo traditsii* [Mirror of Tradition]. St. Petersburg: Azbuka-klassika, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2003.
- Нисский Г. Об устройении человека // О человеке. Сборник трактатов / пер. с греч. СПб.: Азбука, 2011.
Nyssa G. Ob ustroenii cheloveka [On the Making of Man]. *O cheloveke. Sbornik traktatov* [About man. Collection of Treatises], transl. from Greek. St. Petersburg: Azbuka Publ., 2011.
- Ефрем Сирин, свт. Творения. Т. 4. М.: Отчий дом, 1995.
St. Ephrem the Syrian. *Tvoreniya* [Creations]. Vol. 4. Moscow: Otchij dom Publ., 1995.
- Захария (Захару), архим. Христос как путь нашей жизни. Введение в богословие старца Софрония (Сахарова). М.: Лепта-Пресс, ПСТГУ, 2002.
Arch. Zacharias (Zacharou). *Hristos kak put' nashej zhizni. Vvedenie v bogoslovie starca Sofroniya (Saharova)* [Christ, Our Way and Our Life. A Presentation of the Theology of Archimandrite Sophrony]. Moscow: Lepta-Press, St. Tikhon's Orthodox Theological Institute Publ., 2002.
- Иванюшкин А.Я., Попова О.В. Проблема смерти мозга в дискурсе биоэтики. М.: НБ-Медиа, 2013.

И.Г. Курганова
Многомерность
тела: проблема
восточно-хри-
стианского кар-
диоцентризма
в контексте
транспланто-
логии

Резник О.Н., Скворцов А.Е., Попова О.В. Этическая проблематика донорства органов при необратимой остановке сердца // Вестник трансплантологии и искусственных органов. 2018. Т. 20 (3). С. 116–125.

Reznik O.N., Skvorcov A.E., Popova O.V. Eticheskaya problematika donorstva organov pri neobratimoy ostanovke serdca [Ethical Issues of Organ Donation in Case of Irreversible Cardiac Arrest]. *Vestnik transplantologii i iskusstvennyh organov* [Bulletin of Transplantology and Artificial Organs]. 2018. Vol. 20 (3). P. 116–125.

Симеон Новый Богослов, прп. Творения. Т. 2. М., 1890. Репринт. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993.

St. Simeon the New Theologian. *Tvoreniya* [Creations]. Vol. 2. Moscow, 1890. A reprint. Trinity Lavra of St. Sergius Publ., 1993.

Феофан Затворник, свт. Примеры записывания добрых мыслей, приходящих во время богомыслия и молитвы, — числом — 162 // Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни епископа Феофана. М.: Типо-Литография Ефимова, 1892. С. 428–465.

St. Theophan the Recluse. Primery zapisyvaniya dobryh myslej, prihodyashchih vo vremya bogomysliya i molitvy, — chislom — 162 [Examples of Recording Good Thoughts that Come During Thinking about God and Praying — Numbering 162]. *Pisma k raznym licam o raznyh predmetah very i zhizni episkopa Feofana* [Letters to Various People about Various Subjects of Faith and the Life of Bishop Theophan]. Moscow: Yefimov Printing and Lithography, 1892.

Феофан Затворник. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. Письмо 8 // Основы православной антропологии. Хрестоматия. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2016.

St. Theophan the Recluse. Chto est duhovnaya zhizn i kak na nee nastroit'sya. Pismo 8. [What is Spiritual Life and How to Tune in to it. Letter 8]. *Osnovy pravoslavnoj antropologii. Hrestomatiya* [Fundamentals of Orthodox Anthropology. Collection]. Moscow: Moscow Patriarchate Publ., 2016.

Яннарас Х. Личность и эрос // Яннарас Х. Избранное: личность и эрос / пер. с греч. Г.В. Вдовиной. М.: РОССПЭН, 2005.

Yannaras Ch. Lichnost i eros [Person and Eros]. *Izbrannoe: lichnost i eros* [Favorites: Person and Eros]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2005.

Juan Pablo II. Discurso del Santo Padre Juan Pablo II con Occasion del XVIII Congreso Internacional de la Sociedad de Transplantes. *Vatican*. 29.03.2000 [Electronic resource]. URL: https://www.vatican.va/content/john-paul-ii/es/speeches/2000/jul-sep/documents/hf_jp-ii_spe_20000829_transplants.html (date of access: 01.03.2025).

Pearsall P. *The Heart's Code: Tapping the Wisdom and Power of Our Heart Energy*. New York: Broadway Books, 1999.

И.Г. Курганова
Многомерность
тела: проблема
восточно-хри-
стианского кар-
диоцентризма
в контексте
транспланто-
логии